

истинам. Он «желает открыто сообщить, что его теория приемлет историческую реальность Иисуса из Назарета как великого религиозного и морального учителя, который основал христианство и был распят в Иерусалиме в правление Понтия Пилата». Дальше идут ссылки на свидетельство евангелий, подтвержденное сообщением Тацита и Плиния Младшего. С деталями жизни и смерти Христа дело обстоит, правда, хуже, они «остаются окутанными пеленой тайны и, видимо, никогда не будут выяснены». Потом следует необычно категорическое для Фрэзера заверение в том, что он не сомневается в историчности Христа и что само такое сомнение не заслуживает серьезного внимания; это, мол, все равно, что сомневаться в историчности Мохаммеда, Лютера или Кальвина. С не большей убедительностью автор мог бы продолжить этот список и добавить в него Аттиса или Озириса. История довольно поучительная.

Конкретно-историческая проблема историчности или мифичности Христа не имеет мировоззренческого значения. Существенно другое: есть ли основания выводить фигуру Иисуса Христа или любого другого персонажа истории религии из рамок этой истории, окружая ее ореолом исключительности и неповторимости, возводя самого Христа в ранг *истинного* бога? Фрэзер пошел на эту уступку христианско-церковной ортодоксии, противоречащую всему направлению его научной деятельности.

И. А. Кривелев

НАРОДЫ СССР

Л. Р. Кызласов. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979, 205 с., илл.

Об этнокультурной истории Тувы еще несколько десятилетий назад было известно сравнительно мало. Положение стало меняться с начала 50-х годов, когда здесь развернулись систематические полевые исследования экспедиций местных и центральных научных учреждений, возглавлявшихся С. Н. Астаховым, С. И. Вайнштейном, А. Д. Грачом, М. П. Грязновым, М. А. Дэвлет, Л. Р. Кызласовым, А. М. Мандельштамом, М. Х. Маннай-оолом, Л. П. Потаповым и др. Эти исследования открыли многие неизвестные ранее страницы истории, археологии и этнографии Тувы, дали материал для нескольких сот научных публикаций, в том числе ряда монографий.

Тувинская археологическая экспедиция (ТАЭ) исторического факультета МГУ, руководимая Л. Р. Кызласовым, вела в Туве раскопки в течение девяти полевых сезонов, начиная с 1955 г.¹ Ею был изучен ряд ценных в научном отношении археологических памятников различных эпох — от каменного века до средневековья. Среди них представляют интерес отдельные памятники палеолита и раннего бронзового века, погребение хуннского времени (могильник Карадаш) и некоторые другие. Следует приветствовать и предпринятую Л. Р. Кызласовым публикацию материалов из старых раскопок А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова, в первую очередь могильника уйгурского времени Чааты I. Публикационная часть книги хорошо иллюстрирована многочисленными рисунками, фотографиями и чертежами раскопанных курганов. Можно согласиться с автором, что «настоящее систематизированное издание добытых материалов впервые вводит в научный оборот новые ценные памятники, обогащающие археологию и историю Южной Сибири в целом» (Предисловие, с. 7).

Хотя Л. Р. Кызласов основной своей задачей считает публикацию археологических материалов, добытых ТАЭ, в книге рассматривается гораздо более широкий круг вопросов культурной и этнической истории Тувы и сопредельных районов Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, что делает ее интересной не только для археологов, но и для этнографов и историков. В книге представлена наиболее развернутая из всех имеющихся историческая периодизация археологических памятников Тувы на широком фоне древних культур Центральной Азии и Южной Сибири, в ней имеются заслуживающие внимания отдельные наблюдения и выводы, касающиеся древней истории Тувы и в особенности эпохи уйгуров, хорошо написан раздел о древней металлургии (с. 53—58). Монография будет безусловно полезна всем, кто занимается вопросами археологии и исторической этнографии народов Центральной Азии и Южной Сибири. Однако в целом новый труд Л. Р. Кызласова вызывает серьезные критические замечания. Позволим себе кратко остановиться на некоторых из них.

Рецензируемая книга состоит из «Предисловия», четырех глав («Древние стоянки и погребения», «Уюкская эпоха», «Гунно-шурмакская эпоха», «Эпоха раннесредневековых государств») и «Заключения». Первую главу открывают материалы по каменному веку. Знакомство с приведенной в ней периодизацией каменного века Тувы может создать впечатление, что она основана на исчерпывающих и вполне современных результатах исследований. Однако это не так. Таблица I (с. 10) (эпохи камня и бронзы) в значительной мере устарела — она перенесена без каких-либо изменений из работы Л. Р. Кызласова 1958 г.² Отсутствуют стратиграфические наблюдения и необходимый

¹ Впрочем, продолжительность некоторых полевых сезонов была невелика. Так, в 1977 и 1978 гг. они длились немногим более недели каждый (в 1977 г. с 9 по 19 августа; в 1978 г. с 17 по 26 августа, см. с. 205).

² Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). — Вестн. Моск. ун-та, 1958, № 4, табл. I.

типологический анализ; нуклеусы ошибочно отнесены к числу орудий (рис. 1, 5, 6; рис. 5, 4). Выделение эпохи неолита только по нескольким фрагментам керамики, в том числе напоминающим «ложнотекстильную керамику далекого Вилюя» (с. 19), и ретушированным наконечникам стрел, скребкам и призматическим нуклеусам (с. 14—18), доживающим до эпохи бронзы, не представляется убедительным. Не учтен ряд работ по каменному веку в Туве. Так, не сказано не только о первой публикации палеолитических материалов, открытых экспедицией Тувинского научно-исследовательского института в 1955 г. на Хемчике³, но и о замечательных открытиях многих памятников каменного века, сделанных в 1960—1970-е годы Саяно-Тувинской экспедицией Института археологии АН СССР⁴.

В разделе, посвященном бронзовому веку, предпринимается попытка выделить в Туве памятники андроновского времени («средняя пора бронзового века»). Не имея новых материалов, Л. Р. Кызласов предлагает раскопанное М. Х. Маннай-оолом в Туве погребение на р. Тарлашкын датировать не эпохой ранней бронзы, а андроновским временем (с. 25—26). Однако такая датировка вряд ли может быть принята. Вопреки утверждению автора, нож из этого погребения (рис. 15, 5) сопоставим не со срубно-андоновскими, а с окуневско-глазовскими формами. Предлагаемая Л. Р. Кызласовым реконструкция ножа в виде кинжала ничем не оправдана. Прибайкальские параллели серовско-китойского времени фигурному жезлу с головой животного из этого погребения, которые приводит автор, синхронны не андроновской, а более ранней эпохе⁵.

Устарела и периодизация памятников скифского времени Тувы, и посвященная ей таблица II. Она также включена без изменений из публикации Л. Р. Кызласова 20-летней давности⁶. Это тем более вызывает недоумение, что по скифскому времени в Туве накоплен за это время очень большой, качественно новый материал. Памятники этой эпохи выявлены во всех районах Тувы (раскопки А. Д. Грача, С. И. Вайнштейна, М. П. Грязнова, М. Х. Маннай-оола, А. М. Мандельштама, Д. Г. Савинова и др.) и в основном опубликованы; проведена большая исследовательская работа по определению их хронологии, культурной и этнической принадлежности, а также по другим проблемам «скифской археологии» Тувы. Результаты этих исследований по существу не учтены Л. Р. Кызласовым, кроме раскопанного М. П. Грязновым и М. Х. Маннай-оолом кургана Аржан⁷, который он включил в аржанскую группу памятников раннескифского времени (VII—VI вв. до н. э.) в Туве. Однако есть все основания считать, что Аржан сооружен значительно раньше — в VIII в. до н. э. Эта датировка, предложенная авторами раскопок, подтверждена данными радиоуглеродного анализа, проведенного в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР. В книге приводится и несколько раскопанных ТАЭ погребений без инвентаря (с. 41—44), относимых Л. Р. Кызласовым к раннеуякскому (раннескифскому) времени. При этом не упоминается, что многие десятки таких погребений были исследованы в различных районах Тувы Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедицией Института этнографии АН СССР и Саяно-Тувинской экспедицией Института археологии АН СССР и уже получили в литературе название памятников (или культуры) монгун-тайгинского типа (А. Д. Грач).

В книге полностью игнорируются материалы выделенной А. Д. Грачом алдыбельской культуры в Туве, имеющей ближайшие аналогии в майэмирских, тасмолинских, уйгаракских и других памятниках Азии и бесспорно датируемой раннескифским временем. При характеристике памятников гуннской эпохи, по-видимому, недостаточность собственных материалов заставила Л. Р. Кызласова очень широко использовать материалы других исследователей, и прежде всего богатейшие материалы из могильника Кокэль. Как известно, Кокэль — крупнейший могильник гунно-сарматского времени, включавший многие сотни погребений, полностью раскопанных (1959—1965 гг.) и монографически опубликованных экспедицией Института этнографии АН СССР (начальник экспедиции Л. П. Потапов)⁸. Однако автор книги, к сожалению, не счел нужным упомянуть об экспедиции, которая открыла и изучила могильник Кокэль⁹. Отмечаются лишь место и годы раскопок (с. 98). Обращаясь к этнокультурной истории Тувы гуннского времени, Л. Р. Кызласов высказывает резко отрицательное отношение к известной концепции, утверждающей, что население на этой территории в гуннское время формировалось в процессе смешения местных племен с пришлыми кочевыми племенами, в культурном отношении, а возможно, и этнически близкими хунну. Однако случайные находки собственно хуннских предметов и керамики, а также погребений хуннского типа на Бай-Даге (раскопки А. М. Мандельштама), на которые ссылается автор, ни в коей мере не могут служить доказательством того, что процессы этнической ассимиляции в это время не затронули местное население. Отметим и тот факт, что смешение

³ Вайнштейн С. И. Археологические исследования в Туве в 1955 г. — Уч. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1956, в. 4, с. 38—39, рис. 2—3.

⁴ Астахов С. Н. Новые данные по палеолиту Енисея. — В кн.: Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск: Наука, 1979, с. 35—37 и др.

⁵ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — МИА, № 18, М.-Л.: Наука, 1950, с. 139, табл. 8.

⁶ Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении), табл. II.

⁷ Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980.

⁸ См. Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. — Л.: Наука, 1966, т. II, 1970, т. III.

⁹ Л. Р. Кызласов предоставляет читателю возможность самому выяснить этот вопрос, ознакомившись с работами, указанными в примечании 41 на с. 98.

местных племен Тувы с пришельцами фиксируется не только на археологическом, но и на антропологическом материале.

В книге рассматривается также история развития раннесредневековых седел Центральной Азии и Южной Сибири. В свое время этот вопрос был разработан С. И. Вайнштейном на базе найденной им серии уникальных седел в могильнике Кокэль¹⁰. Выражая несогласие с предложенной С. И. Вайнштейном схемой эволюции седел, Л. Р. Кызласов приводит на с. 137 свою «Хронологическую таблицу употребления разных типов седел в VI—X вв.» (кстати, это единственная типологическая разработка, представленная автором). Датировка седел тесно связана с хронологией курганов, в которых они найдены. Л. Р. Кызласов предлагает новую датировку курганов. В частности, курган 23 из могильника Кокэль он относит не к VI—VII вв., а к IX—X вв. Л. Р. Кызласов, по-видимому, прав, считая, что костяные двудырчатые псалии типа найденных в кургане 23 доживают до IX—X вв., но это не может служить основанием для отнесения кургана, а следовательно, и седел к этому времени. Значительная часть и других аргументов автора также весьма спорна. Мнение о многолинейной эволюции раннесредневековых седел (с. 138) уже высказывалось ранее другими исследователями (и именно на примере двух выделенных автором типов лук)¹¹.

Значительная часть рецензируемой книги посвящена памятникам древнетюркского и древнеуйгурского государств, затрагиваются в ней и некоторые вопросы, относящиеся к древнекыргызскому государству. Весь период существования этих государств большинство советских исследователей называют древнетюркским временем (эпохой), вкладывая в это понятие определенное историко-культурное содержание. Древнетюркское время рассматривается, таким образом, как эпоха формирования основных языковых особенностей тюркоязычных народов независимо от их племенной и государственной принадлежности. Л. Р. Кызласов, напротив, рассматривает понятие «древние тюрки» как узко этнический (племенной) и политический термин, относимый только к эпохе древнетюркских каганатов. В этой связи он объявляет взгляды специалистов (А. Д. Грач и др.), использующих понятие древнетюркское время в ином, чем у него, хронологическом диапазоне, «методологически неверными» (с. 141) и даже безосновательно пытается их связать с «националистическими измышлениями некоторых турецких историков 30-х годов» (с. 140), справедливо раскритикованными в советской науке. По мнению Л. Р. Кызласова, взгляды осуждаемых им советских ученых не соответствуют «известному требованию исторического материализма вести периодизацию истории того или иного общества по общественно-экономическим формациям» (с. 141).

Взамен широкого историко-культурного понятия древнетюркское время автор предлагает «формационный» термин «эпоха раннесредневековых государств», забывая, очевидно, что среди открытых классиками марксизма-ленинизма общественно-экономических формаций такой формации нет. При этом сам Л. Р. Кызласов отнюдь не избегает использования для периодизации историко-культурных терминов: уюкская эпоха, гунно-шурмакская эпоха (с. 32 и сл.), монгольский период¹² и др. Неужели автор считает эти периоды также общественно-экономическими формациями?

Остается неясным и время появления государства по Л. Р. Кызласову. В третьей главе рецензируемой книги автор утверждает, что создание включившего территорию Тувы «первого» (курсив наш.— Ю. З. и Д. С.) мощного государства центральноазиатских степных скотоводов и земледельцев» произошло в конце III в. до н. э., т. е. в гунскую эпоху (с. 79). Но далее читатель вдруг узнает, что в середине VI в. территория Тувы «входит как составная часть в первое» (курсив наш.— Ю. З. и Д. С.) для этого района государство — Тюркский каганат VI—VIII вв.» (с. 120), государство, сложившееся, как отмечает далее Л. Р. Кызласов, «на громадных просторах от Великой стены до Каспийского моря и от Алтая до Тянь-Шаня» (с. 121).

Определенную тенденциозность заключает в себе оценка событий 840 г. (победы енисейских кыргызов над уйгурами). По утверждению Л. Р. Кызласова, это «время переломное». За ним следует новая эпоха (? — Ю. З. и Д. С.) — вхождение Тувы в развитые феодальные государства древних хакасов и монголов (IX—XV вв.)» (с. 7). На каком основании Л. Р. Кызласов объединяет древний тюркоязычный народ Южной Сибири — енисейских кыргызов, которых он неправильно называет «древними хакасами», с центральноазиатскими монголами? Последние в значительной степени способствовали уничтожению государства енисейских кыргызов и, кроме того, имели иные культурные традиции, язык и т. д. Или Л. Р. Кызласов предполагает и здесь смену «общественно-экономической формации»? Предложение Л. Р. Кызласова отказаться от термина «древнетюркское время» оказывается, таким образом, не случайным. Архаизируя древнетюркские и уйгурские каганаты («их возникновение означало конец эпохи первобытнообщинного строя. Новые классовые общественные отношения привели к формированию раннефеодальных» (курсив наш.— Ю. З. и Д. С.) институтов» (с. 7), автор искусственно приподнимает уровень социально-экономического развития «древних хакасов» («развитое феодальное государство» — с. 7). Между тем древнекыргызское государство на Енисее ни по уровню своего развития, ни по своим политическим институтам не превосходило другие государства древнетюркской эпохи — каганаты тюрков и уйгуров. Древнекыргызская культура является неотъемлемой частью древнетюркской

¹⁰ Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. — Сов. этнография, 1966, № 3, с. 67—74.

¹¹ Савинов Д. Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тыс. н. э.). — Сов. этнография, 1977, № 1, с. 31—48.

¹² Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969, с. 130.

культуры Центральной Азии и Южной Сибири, о чем свидетельствуют литературный язык и письменность, традиционные формы материальной и духовной культуры.

Нельзя обойти молчанием еще один немаловажный вопрос — этику научной публикации. Как уже упоминалось, в монографии помимо материалов ТАЭ опубликованы материалы из раскопок известных исследователей Южной Сибири А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова; в ней широко использованы результаты работ археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, а также ряда других экспедиций. Все это несомненное достоинство книги. К сожалению, то, как используются источники, и прежде всего результаты работ ряда других экспедиций, изучавших наряду с ТАЭ этнокультурную историю Тувы, не может не вызвать возражений. Так, поместив в своей книге несколько рисунков предметов из раскопанных С. А. Теплоуховым земляных курганов скифского времени в долине Уюка, «чтобы читатели хотя бы до некоторой степени могли представить прежнее богатство захоронений», Л. Р. Кызласов отмечает, что хотя С. А. Теплоухов полный отчет о них не опубликовал, «все же некоторые данные приведены в литературе» (ссылается он при этом на работы — свою, М. Х. Маннай-оола и В. Н. Полторацкой) (с. 70). Между тем в литературе приведены не «некоторые данные». Материалы этих захоронений полностью опубликованы В. Н. Полторацкой в 1966 г. (в том числе и те предметы, которые воспроизводятся в рецензируемой работе)¹³.

При знакомстве с книгой становится ясно, что Л. Р. Кызласов не объективен в оценке значения работ своих коллег по изучению Тувы. Это проявляется и в трактовке вопроса о приоритете в открытии того или иного памятника, этапа, культуры, и в стремлении преподнести собственные выводы как безусловную истину при высокомерной, подчас неуважительной форме оценки мнений других исследователей. Например, Л. Р. Кызласов считает возможным утверждать, что А. Н. Бернштам «позволял себе делать описки» (с. 140); М. П. Грязнов «вопреки собственной установке» рассмотрел изолированно один из курганов (с. 39); С. И. Вайнштейн «пытался умалить значение фактов» (с. 135); А. Д. Грач «усиленно пропагандирует единую „древнетюркскую культуру“» (с. 140); Н. Л. Членова «продолжает ошибочно писать» (с. 25); Ю. И. Трифонов «не обосновывая, защищает свою ошибочную датировку» (с. 140) и т. д. и т. п. Уважаемые советские коллеги Л. Р. Кызласова то «искажают историю вопроса и вводят в заблуждение читателя» (с. 136), то допускают очевидную «порочность неклассового подхода» (с. 141), то проявляют «неосведомленность в истории развития материальной культуры» (с. 135), то «подменяют термины» (с. 142), то чего-то не знают, не понимают, бесконечно ошибаются. Удивляет и то, что в книге ни разу не упоминается имя крупнейшего советского исследователя этнической истории народов Южной Сибири, в том числе и Тувы, Л. П. Потапова, многие годы (1956—1965) возглавлявшего Тувинскую археолого-этнографическую экспедицию Института этнографии АН СССР, материалы которой столь широко использованы автором¹⁴.

Л. Р. Кызласов, несомненно, внес существенный вклад в изучение культуры древних городищ Тувы, в частности уйгурских, в определение их этнической принадлежности, однако указанное выше обстоятельство не дает ему права игнорировать вклад в разработку этой сложной проблемы других исследователей. Различные городища в Туве были выявлены в 1891 г. Д. А. Клеменцем, в 1903 г. Ф. Коном, в 1947 г. С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой, причем последние считали их поздними. Они даже не упоминали о возможности принадлежности этих городищ уйгурам Тувы (VIII—IX вв.). Истинное значение и датировка памятников могли быть установлены только после выявления их культурного слоя. Первые культурный слой на одном из городищ древних уйгуров был открыт в Туве экспедицией Тувинского научно-исследовательского института в 1957 г. в результате планомерно проводившихся исследований. Удалось установить, что значительная часть керамики здесь может быть датирована VIII—IX вв.¹⁵ Это было важным шагом на пути изучения памятников, установления их принадлежности.

Между тем Л. Р. Кызласов утверждает, что уйгурские городища были открыты еще в 1947 г. экспедицией С. В. Киселева, в которой участвовал автор, и что в его книге приведены сведения об уйгурских городищах, взятые из «полевого дневника экспедиции 1947 г.» (с. 157). В другом месте он пишет о памятниках древнеуйгурского периода, раскопанных его экспедицией в 1955 г., ссылаясь при этом на свой «первый опыт клас-

¹³ Полторацкая В. Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве. — Археологический сборник, Л.—М.: Сов. художник, 1966, в. 8 (Государственный Эрмитаж), с. 78—102.

¹⁴ Видимо, с таким отношением к трудам своих коллег связана и форма отсылок к литературе. Л. Р. Кызласов часто указывает не фамилии авторов и названия их работ, а лишь аббревиатуры названий сборников, содержащих эти работы. Порой такие отсылки лишают читателя возможности ознакомиться с конкретным материалом, использованным в книге. Например, в примеч. 63 к гл. III (с. 102) указано: «ТТКАЭ, т. 2, табл. 4, 4». В каком положении окажется читатель, когда он обнаружит, что том 2 Трудов Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР включает четыре разные статьи, имеющие табл. 4 и рис. 4 (две С. И. Вайнштейна, одну В. П. Дьяконовой и одну совместную — С. И. Вайнштейна и В. И. Дьяконовой)?

¹⁵ Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. — Уч. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл: Тувкнигоиздат, 1958, в. VI, с. 228.

сификации культур Тувы» (ссылки даны на архив Института археологии и публикации 1957 и 1958 гг., с. 202, примеч. 1). О роли же другого исследователя этих памятников, С. И. Вайнштейна, говорится лишь в примечании, где, упомянув его статью 1959 г., посвященную средневековым оседлым поселениям и оборонительным сооружениям в Туве (и умолчав о предшествующих его публикациях по этому вопросу), Л. Р. Кызласов пишет, что в ней «датировки, отнесение крепостей и длинных стен к уйгурам и история вопроса взяты из наших докладов и рукописного отчета..., к сожалению, без ссылок. Заимствование доказывается, например, тем, что он (С. И. Вайнштейн.— Ю. З. и Д. С.) использует данные мной названия и нумерацию шагонарских городищ» (с. 145, примеч. 94).

Однако ни в архивных материалах, ни в публикациях до 1957 г., на которые ссылается здесь Л. Р. Кызласов, нет, вопреки его утверждениям, ни одного упоминания об уйгурском периоде в культуре Тувы. Что же касается экспедиции 1947 г., то ее руководители — С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова считали, как уже говорилось, эти городища поздними, не имеющими культурного слоя¹⁶, что исключало возможность их датировки. Да и сам Л. Р. Кызласов писал, что монгольский город Дон-Терек, «единственный в Туве древний город»¹⁷. Длинные стены оборонительного вала, связывавшего эти городища, именуемого местными жителями «дорогой Чингисхана», он также считал дорогой, построенной киданями¹⁸. Точка зрения Л. Р. Кызласова изменилась только после упомянутых раскопок, проведенных экспедицией Тувинского НИИЯЛИ в июне-июле 1957 г. Руководитель экспедиции С. И. Вайнштейн в статье о предварительных результатах ее работ писал в июле 1957 г., что экспедиция провела раскопки городища у с. Чаа-Холь и, судя по открытому в нем культурному слою, оно существовало в домонгольское время. «Такие городища,—отмечал С. И. Вайнштейн,—известны в ряде районов Тувы. Так, только вблизи г. Шагонара нами было обнаружено четыре городища, окруженных валами. Внутри одного из городищ сохранились остатки стен здания, сложенного из сырьевого кирпича... ряд других известных в Туве городищ, сходных по конструкции, существовал в одно время с ним»¹⁹. Экспедиция же Л. Р. Кызласова, как он сам пишет в рецензируемой книге (с. 203), выехала «для производства маршрутных раскопок и обследований в окрестности Шагонара» 5 августа 1957 г., т. е. не только после обследования и раскопок городищ экспедицией ТНИИЯЛИ, но и после первой публикации их результатов. Ничего не пишет автор книги и о том, что именно эта экспедиция впервые провела раскопки «дороги Чингисхана», доказав, что это не дорога, а грандиозный оборонительный вал²⁰.

В «Заключении» Л. Р. Кызласов снова говорит о научной систематизации памятников, которая способствует «раскрытию общего хода исторического процесса» (с. 200). Однако ни с точки зрения полноты фактического материала, ни с точки зрения периодизации и исторической интерпретации памятников рецензируемая книга не соответствует целям, обозначенным им в «Предисловии» и «Заключении».

Ю. А. Заднепровский, Д. Г. Савинов

¹⁶ Обследовав городище Бажин-Алак у Чедана в западной Туве, Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев пришли к выводу, что «по-видимому, это городище относится к довольно позднему времени». Далее они отметили, что в той же местности «были обследованы еле заметные остатки валов какого-то укрепления, схожего с укреплениями около Бажин-Алака», а к западу от пос. Бай-Тал, «на правом берегу Хемчика, экспедиция обследовала остатки укрепления, подобного описанному выше, без культурного слоя, с валами очень плохой сохранности». В статье был приведен и план городища Бажин-Алак. См. *Евтюхова Л. А., Киселев С. В.* Саяно-Алтайская экспедиция.— Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры, М.—Л., 1949, в. XXVI, с. 123—124.

¹⁷ Кызласов Л. Р. Археологическая экспедиция в Туве.— Тувинская правда, № 199/3720 от 6 октября 1956 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Вайнштейн С. И. Археологические исследования в Центральной Туве.— Тувинская правда, № 150/3929 от 30 июля 1957 г.

²⁰ Вайнштейн С. И. Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве.— Уч. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл: Тувкнигоиздат, 1959, в. 7, с. 260—274.

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука, 1981, т. XIII.

Ряд монографий, опубликованных сотрудниками Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР, пополнился только что вышедшей в свет рецензируемой книгой А. В. Виноградова. Работы А. В. Виноградова хорошо известны исследователям пустынь Средней Азии, причем не только историкам. Традиционно комплексный характер исследований Хорезмской экспедиции послужил основой для проведения полевых работ автора и позволил ему в содружестве с геологами, геоморфологами, географами, почвоведом, геохимиками исследовать обширный и труднодоступный пустынный регион, включающий и районы древних дельт и внутренние бессточные области Кызылкумов. Именно комплексный подход к интерпретации археологических материалов, являющихся основным источником в исследованиях автора, позволил ему успешно рассмотреть